

УДК 1(091)

DOI: 10.26795/2307-1281-2021-9-1-10

ФИЛОСОФСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Т.И. ФИЛИППОВА**Л. Е. Шапошников¹**

*¹Нижегородский государственный педагогический университет
имени Козьмы Минина (Мининский университет)*

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье анализируются взгляды Т.И. Филиппова – мыслителя славянофильского направления. Именно приверженность славянофильству стала основой своеобразия философских установок мыслителя и определила его педагогические воззрения. Цель данной статьи – через выявление специфики философско-педагогических взглядов определить вклад Т.И. Филиппова в историю отечественной мысли, в процесс развития системы образования в России, в историю русской культуры.

Материалы и методы. Материалом исследования являются труды русского мыслителя и государственного деятеля Т.И. Филиппова, внесшего значительный вклад в развитие отечественной философской и педагогической мысли. Для проведения исследования использовались традиционные методы: анализ, интерпретация, обобщение, описание, компаративный метод. Особо значимым представляется использование историко-логического метода, позволившего определить место Т.И. Филиппова в истории русской мысли и в то же время отметить его своеобразие.

Результаты исследования. Славянофильские установки мыслителя определили его позиции по важнейшим вопросам его времени. В частности, они касались церковной проблематики: Филиппов предлагал программу восстановления соборных начал в Церкви как необходимое условие преодоления кризиса веры. Он также выступал за сохранение самобытных начал в образовании и культуре. С этой целью предлагалось усилить присутствие «национальных начал» в образовании и осуществить ряд мер, связанных с сохранением народной культуры. Одной из тем, затрагиваемых в работе, является характеристика позиции Т.И. Филиппова по проблеме взаимоотношений России и славянства. Отмечается, что ряд идей мыслителя не утратил своего значения и в наши дни.

Обсуждение и заключения. Третий Иванович Филиппов был сложным человеком, но все-таки следует признать его позитивный вклад в историю отечественной мысли. Борьба «с казенщиной в православии», обоснование необходимости самобытного пути развития для России, стремление сохранить народную культуру и придать ей мировой статус и сейчас являются актуальными задачами. Необходимо также отметить важность обоснования им воспитательного значения гуманитарных дисциплин, без которых невозможно сформировать чувство патриотизма. Эта установка мыслителя весьма востребована современной системой образования. Наследие Т.И. Филиппова заслуживает пристального внимания и глубокого изучения, причем на основе не только опубликованных материалов, но и архивных источников.

Ключевые слова: воспитание, народ, культура, церковь, соборность, разум, Россия, славяне.

Для цитирования: Шапошников Л.Е. Философско-педагогические взгляды Т.И. Филиппова // Вестник Мининского университета. 2021. Т. 9, №1. С.10.

PHILOSOPHICAL and PEDAGOGICAL VIEWS of T. I. FILIPPOV

L. E. Shaposhnikov¹

*¹Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University),
Nizhny Novgorod, Russian Federation*

ABSTRACT

Introduction. The paper analyses the ideas of T.I. Fillipov, a representative of the Slavophil school of thought. Fillipov's commitment to the Slavophil doctrine formed the distinctive features of his philosophical and pedagogical beliefs. The present paper is aimed at examining these features and revealing Fillipov's role in the cultural and educational development of Russia.

Materials and Methods. The original works by T. I. Fillipov serve as the material of the present study. For achieving the research goal, a number of traditional methods were used: analysis, interpretation, generalization, description, the comparative method. Besides, the historico-logical method proved to be particularly important for embracing the meaning of Fillipov's activity to the Russian philosophy and enlightenment.

Results. The key ideas of T. I. Fillipov were identified. In the field of religion the scholar proposed to renovate the principles of sobornost as a means to overcome the faith crisis. He was also a proponent of the traditional values in education and culture. To preserve these, T. I. Fillipov suggested to enhance the national orientation in education and undertake measures to safeguard the folk culture. The present paper also makes a special emphasis on the scholar's attention to the still relevant problem of the relationship between Russia and the Slavophilism.

Discussion and Conclusion. The contribution made by T. I. Fillipov to the Russian philosophy and pedagogy is acknowledged. The scholar's ideas concerning the unique role of the orthodox Christianity, Russia's mission in the world history, the value of the country's folk culture remain acute today. T. I. Fillipov's belief in the pedagogical value of the humanitarian disciplines shaping citizens' patriotism is also very up to date. It is evident that Fillipov's works – both published and archives - are worth further studying.

Keywords: upbringing, Russian nation, culture, church, sobornost, the rational, Russia, the Slavs.

For citation: Shaposhnikov L.E. Philosophical and pedagogical views of T. I. Filippov // Vestnik of Minin University. 2021. Vol. 9, no. 1. P.10.

Введение

Исследование посвящено анализу философско-педагогических взглядов Т.И. Филиппова, выдающегося мыслителя и государственного деятеля, внесшего значительный вклад в развитие отечественной мысли. Принадлежность его к

славянофильскому направлению определила своеобразие философской позиции и педагогические установки. Ряд идей мыслителя оказался весьма продуктивным для формирования философских построений более позднего времени, например евразийства, а педагогические установки Т.И. Филиппова остаются актуальными и в наши дни, когда необходимо найти новые пути развития системы образования в России. Поэтому представляется важным определить вклад Т.И. Филиппова в историю отечественной мысли, в процесс развития системы образования в России, в историю русской культуры через выявление специфики его философско-педагогических взглядов, что и является целью нашего исследования.

Материалы и методы

Материалом исследования являются труды Т.И. Филиппова, прежде всего его работы, посвященные проблемам взаимоотношений Церкви и государства, России и Запада, идейным и духовным основам просвещения в России, роли культуры в сохранении самобытных начал и др. Для проведения исследования использовались традиционные методы: анализ, интерпретация, обобщение, описание; а также элементы методики создания философско-психологического портрета, компаративный метод. Особо значимым представляется использование историко-логического метода, позволившего определить место Филиппова в истории русской мысли и в то же время отметить его своеобразие.

Результаты исследования

Тертий Иванович Филиппов (1825 – 1899) родился в уездном городе Ржев, в семье аптекаря, который принадлежал к потомственным старообрядцам. Само старообрядчество, как известно, не представляло собой единой конфессии, но семья Филиппова исповедовала единоверие. Это течение появилось в конце XVIII века, и оно, с одной стороны, признавало власть Священного Синода, а с другой стороны, сохраняло дониконовские обряды. Представители единоверия не подвергались «ограничительным мерам» со стороны властей, которые испытывали другие старообрядцы. Поэтому будущий государственный контролер окончил тверскую гимназию, а затем историко-филологический факультет Московского университета. Уже в годы учебы Филиппов проявил интерес к классическим языкам, отечественной литературе и фольклору (прежде всего к народным песням). После окончания университета он с 1848 по 1856 годы работал в качестве преподавателя русской словесности в Первой московской гимназии. Середина XIX века, по его мнению, была временем господства «ложно-либерального направления», которое благодаря своей многочисленности «заглушало долгое время всякий протест здравого смысла и честного чувства» [10, с. 377]. Наиболее адекватно этот протест выражало славянофильское течение, и Филиппов становится активным участником данного направления, несмотря на его непопулярность среди так называемых «образованных слоев общества».

После гимназии он работает чиновником по особым поручениям при обер-прокуроре Святейшего Синода А.П. Толстом. Хорошее классическое образование, владение греческим языком и латынью, интерес к церковной истории сделали Филиппова ценным сотрудником, прежде всего в общении с восточными православными и так называемыми нехалкидонскими церквями. С 1864 года он является служащим Государственного контроля, а с 1889 и до

конца жизни – его главой, то есть Государственным контролером. На этом посту Филиппов много сделал для упорядочения финансовой деятельности правительства.

Наряду со службой он принимал активное участие в издательской и публицистической деятельности таких славянофильских журналов, как «Московитянин» и «Русская беседа». Поскольку Т.И. Филиппов подчеркивал свою не формальную, а реальную принадлежность к славянофильству, его религиозно-философские взгляды вращались в русле основных установок этого течения. Сам мыслитель на вопрос о том, «кто такие в сущности были славянофилы, чему они учили и что защищали», отвечает в речи, посвященной памяти А.Ф. Гильфердинга, произнесенной в 1873 г. [см.: 6]. С его точки зрения, в построениях этих мыслителей есть следующие основные положения. Во-первых, в их взглядах особое место занимает учение Православной церкви, которое ими было не только усвоено «во всей его беспредельной высоте и глубине», но и в ряде сложных положений разъяснено, причем «с такой точностью, которая способна удовлетворить самую придирчивую критику и самую жадную пытливость человеческого разума». При этом славянофилы, опираясь на православное предание, смогли предложить «решение множества вопросов, касающихся как внутренней человеческой совести, так и человеческого общежития».

Во-вторых, славянофилы были истинными представителями своего народа и, как патриоты, они выступали «поборниками его самостоятельного развития». В силу этого ими осуждалось усиление западного влияния на Россию, начавшееся с петровских преобразований, которые происходили «не без оскорбления народных верований, убеждений и добрых обычаев». Эта позиция в либеральных журналах представлялась как ретроградная, пропагандирующая основы «древнего невежества и общественного застоя». В действительности же это было стремление сохранить и утвердить в народе «коренные начала его духовной жизни», обеспечивавшие органическое развитие России. Поэтому наряду с православной верой объектом пристального внимания славянофилов была самобытная русская культура. С другой стороны, икона, фольклор, народная песня со стороны западников подвергались «невежественному глумлению». И если в 70-х годах XIX века народное искусство рассматривается с других, позитивных позиций, то в этом, безусловно, имеется и заслуга русских мыслителей.

Наконец, в-третьих, славянофилы в ту пору были «единственными представителями симпатий к соплеменным нам народам славянским». Они обратили внимание на особую роль России в объединении славянского мира и сохранении его своеобразия, то есть уловили тенденцию, ставшую господствующей в 70 – 80-е годы XIX века.

Вот эти вышеобозначенные проблемы и стали для Т.И. Филиппова основой для его религиозно-философских размышлений.

Он соглашается с тезисом о том, что именно Православная церковь оказала решающее влияние как на становление русского государства, так и на «воспитание и утверждение» тех качеств русского народа, которые вызывают «благоговение». Однако современная церковь, как считает Филиппов, стремительно теряет свое влияние на верующих. Истоки этого кризиса находятся в реформаторской деятельности Петра I, который личным решением, без «общего совета всей православной церкви», вводит Духовный регламент. Упразднение патриаршества, превращение церкви в государственную структуру приводят к «появлению непреодолимых преград» в реализации принципа соборности, который основывается на «священных канонах». В результате и общение с восточными православными церквями было ограничено, и уничтожены «соборные совещания представителей русской церкви между

собой». Более того, «преследование совещательного начала в церкви» приняло такой размах, что «православным архиереям воспрещено было даже взаимное посещение друг друга в епархиях» [16, с. 183]. В этих условиях «живая религиозная мысль» практически не развивалась и церковь не отвечала на вызовы времени. «Стесненное и бедственное» положение русского духовенства привело к тому, что его просветительская деятельность «не произвела плодов, которыми могла бы гордиться история нашего просвещения»; более того, у клира «отняты были средства даже к собственному образованию». В связи с этим начинают в церкви господствовать охранительные тенденции, суть которых заключается в том, что «обладающим истиною довольно стоять в ней» [8, с. 129]. Однако подобные «мертвые хранители» забывают об одной из главных обязанностей христиан – приобщать к «дару истинной веры» всех тех, кто «по судьбам Промысла еще не дарен ее светом».

Для активизации деятельности церкви по духовному просвещению народа, для восстановления ее статуса необходимо начать процесс «возрождения соборных начал». Причем определяющим началом в этом направлении должен стать созыв Вселенского Собора. В.В. Розанов замечал по этому поводу, что Филиппов «все по-прежнему носит с собою своей идеей Вселенского собора. Но ведь эта идея – чистая фикция. Можно говорить о соборе Православном, а никак не о Вселенском» [3, с. 127].

Однако у Т.И. Филиппова речь идет именно о Всеправославном соборе, призванном решать насущные вопросы восточного христианства. Во-первых, восстановить «живое общение» Русской православной церкви с другими православными церквями. В силу этого не только будет подчеркнут вселенский характер Восточного христианства, но оно будет защищено от искажений предания, от нарушения единства, и – главное – будет преодолена «опасность всякого рода личных заблуждений или злоупотреблений». Собор, подчеркнув вселенский характер Восточного христианства, будет также способствовать росту международного авторитета России, которой «отведено Божиим промыслом особое место». Все дело в том, что «один лишь русский народ облечен силою и могуществом, одарен разнообразными и обильными средствами для защиты православия и исповедующих оное народов» [15, с. 324].

Во-вторых, Всеправославный собор с необходимостью оживит и внутреннюю деятельность церкви. Он удовлетворит потребность православных россиян в общении между собой и с клиром, сделает их «связанными союзом любви и единомыслием». В результате «истинное вероисповедание» не только будет актом формальной веры, но и станет реальной основой «внутренней жизни нашей церкви». Причем в восстановлении соборных начал должно быть заинтересовано прежде всего русское самодержавие, ибо ему «Церковь нужнее воздуха». Этот процесс следует начать с «восстановления Церкви хотя бы и не во всем подобающем Ей велелепии (что по нашим временам невозможно), а по крайней мере в известной степени, хотя бы только почина в этом стремлении со стороны Верховной Власти» [17, с. 419-420]. Однако все призывы Т.И. Филиппова остались без ответа, более того, с началом управления духовным ведомством К.П. Победоносцева, который с 1880 по 1905 годы был обер-прокурором Святейшего Синода, бюрократизация внутренней жизни церкви еще более усилилась.

Вторая проблема, которая вслед за славянофилами интересовала Т.И. Филиппова, касалась взаимоотношений Запада и России. После реформ Петра I у русского образованного слоя сложилась «привычка относиться к Западу с безотчетным уважением». Такая ситуация не давала возможности объективно оценивать западные ценности и мешала «решительности нашего суждения» о них. Однако по мере развития

отечественного просвещения (в этом процессе весьма плодотворно участвовали славянофилы) появляется потребность осмыслить, что «нас отделяет от Запада и что составляет основные начала нашей самобытной жизни» [11, с. 27].

С одной стороны, следует признать, что Европа «стоит во главе человечества в деле знаний», с другой – ее опыт убедительно свидетельствует о том, что «развитие и обогащение ума не стоит в необходимой и неслучайной связи с просвещением». За так называемым прогрессом на Западе обнаруживается «страшное колебание всех общественных основ», происходит отказ от христианских начал как в личной, так и в общественной жизни. В результате там человек начинает искать новых «руководящих начал для жизни, но, разумеется, не находит: ибо их нет». К тому же, провозглашая «всесилие разума», образованные европейцы забывают о том, что «до истинных законов человеческого естества не может возвыситься наше поврежденное умствование» [11, с. 28]. В этой связи понятны неудачи западной цивилизации, распространение в ее недрах аморальных явлений, забвение высших духовных ценностей, так как «неверие ограничивает стремление человека пределом его земного бытия». Тесная связь России с Европой приводит к тому, что все недостатки западного образа жизни в той или иной мере усваиваются россиянами, и поэтому «Запад у нас посеял много злого, пошатнул в нашем сознании немало нравственных начал».

Россия, с точки зрения Т.И. Филиппова, сейчас находится на распутье: или она продолжит необдуманное сближение с Европой, чуждое «всякой осмотрительности и разбора», или она найдет в себе силы «отдать Западу западное, а себе оставить свое» [9, с. 98]. Выполнение этой задачи предполагает «продуманные действия» в различных направлениях, но магистральными путями являются преобразования в области просвещения и культуры. Т.И. Филиппов часто отождествляет понятия просвещения и воспитания, и когда он говорит, что воспитание должно «привести во всеобщее сознание» наши самобытные черты, то речь, безусловно, идет и об образовании.

В воспитании, понимаемом в широком смысле слова, с его точки зрения, можно выделить две цели. Первая «имеет в виду развитие человеческих свойств независимо от случайных условий», а вторая «достигается применением общих начал воспитания к историческим условиям». Следовательно, первая цель в своем воспитательном воздействии «имеет в виду человека», вторая же – «гражданина» [11, с. 27]. Человек – существо духовное, и именно дух определяет его сущность. В силу этого именно религия воспитывает в нем вечные ценности «без различия места, времени и народности». Однако не всякая религия правильно формирует «всеобщие стихии духа»: есть масса примеров, когда они искажаются. Поэтому подлинное религиозное воспитание «должно быть не какое иное, как предлагаемое православной Церковью». Данное положение Филиппов аргументирует следующим образом: именно эта еkkлeсия выступает как «единственная и неизменная хранительница правой веры», и в силу этого она «есть по необходимости и единственная сокровищница истинного разума вещей и чистых нравственных понятий» [11, с. 28-29]. В этой связи понятно, какое значение придает Филиппов изучению Закона Божия на всех ступенях образования, но особенно это важно в народных училищах, или церковно-приходских школах (для Филиппова это одно и то же), – наиболее распространенных типах учебных заведений в России. По мысли Филиппова, главная цель народных училищ «состоит прежде всего в нравственном воспитании народа», и ее можно достигнуть лишь путем приобщения к православию. Поэтому и должен быть Закон Божий главным предметом – все же прочие предметы, входящие в программу обучения народа, такие, как «чтение, письмо, счисление и даже какие-нибудь начала наук, по природе своей не содержат в себе ни малейшей

нравственно действующей силы» [7, с. 40]. Однако последний тезис сам же мыслитель неоднократно опровергает. Так, он справедливо считает, что школьные предметы, если люди, которым «вверена школа», дадут им правильное направление, можно «употребить для нравственных целей» и, наоборот, при желании эти знания можно использовать «для противной цели». О большом воспитательном значении гуманитарных предметов Филиппов рассуждает и при анализе «средств воспитания гражданина».

Закон Божий должны преподавать священнослужители, да и сами народные школы в большинстве своем находятся при храмах. Однако преподавательская деятельность духовенства проходила с большими трудностями, поскольку, с одной стороны, последние сто пятьдесят лет оно было «в стесненном и бедственном положении», к тому же «оскорбляемое дурно-направленной литературой», с другой – большая часть крестьянства находилась в крепостной зависимости, державшей его «во мраке и вредно действовавшей на общий строй русской жизни» [7, с. 52]. Освобождение крестьян способствовало пробуждению тяги к образованию, и духовенство откликнулось на эти потребности и «осталось верным своей существенной обязанности обучать народ». Однако для улучшения этой учительской деятельности духовенства правительство должно «прийти на помощь скромным и бескорыстным деятелям».

Поскольку главная задача народных училищ – это религиозное воспитание народа, то по светским дисциплинам «необходимо держаться самых скромных размеров обучения». Пример Европы показывает, что излишняя образованность народных масс порождает «опасное брожение в обществе», а церковно-приходские школы в политическом отношении «не только совершенно безопасны, но, можно сказать, спасительны как для самого народа, так и для государства, и для всего общества» [7, с. 59].

Попытки Министерства народного просвещения наряду со школами при церквях учреждать светские училища могут, по мысли Филиппова, плачевно отразиться на законопослушании народа. В гимназиях и университетах Министерство своей политикой уже смогло сформировать негативное отношение к русской церкви, ибо «влияние религии на их жизнь вовсе не существует». Законоучители в этих учебных заведениях по отношению к религиозной традиции демонстрируют «мертвенное отношение» и в силу этого не могут «вовсе препятствовать разрушительному и всюду проникающему действию духа неверия и нестроения» [7, с. 65]. Причем Министерство не предпринимает никаких мер, чтобы противостоять этим тенденциям, и оставляет «их без всякого внимания». Замена церковно-приходских школ министерскими, которые открываются на бюджетные средства, и поэтому будут лучше оснащены, и в них будут трудиться более квалифицированные учителя, приведет к «односторонним выводам» о том, что духовное ведомство не способно «соперничать с министерством в учреждении народных школ». Отстранение духовенства от «школьного дела» вызовет «превратное развитие» народной образованности, а это – в свою очередь – умножит «порочные наклонности народа».

Итак, с точки зрения Т.И. Филиппова, первая цель воспитания, а именно формирование человека, сводится прежде всего к обеспечению «сохранения и развития религиозного чувства». Интеллектуальное же становление индивида по отношению к этой задаче носит служебный характер. Обращает на себя внимание и стремление мыслителя максимально ограничить уровень светского образования для простого народа, в основном крестьянства.

Вторая цель воспитания, а именно формирование гражданина, по убеждению мыслителя, не связывает человека «с его местными, временными и вообще историческими

условиями». В результате у него должна быть выработана «деятельная любовь к Отечеству». Причем следует отметить, что идея «о всемирном гражданстве», ставшая популярной в Европе, не может быть оправдана христианством. Более того, «нет ничего противоположнее христианского учения об этом предмете», так как среда, в которой живет человек, его принадлежность к той или иной народности определяются Божественным промыслом. В народной среде православие, крестьянский быт, духовные традиции помогают укреплению «законных связей с Отечеством, обществом и семьей».

Сложнее обстоит дело с представителями так называемого образованного общества, получающими гимназическое и университетское образование: они не имеют таких прочных связей с традиционным образом жизни, как крестьянство. Поэтому в реализации целей гражданского воспитания среди этих слоев особое значение приобретает направленность образования на собственный, национальный опыт. Т.И. Филиппов подчеркивает, что этому процессу «преимущественно пред другими предметами способствует отечественная история, отечественная словесность и отечественный язык» [11, с. 29-30].

Изучение прошлого, особенно поворотных моментов в судьбе России, позволяет понять место русского народа в мировой истории, а это есть «залог патриотических убеждений». Исторический процесс также убедительно показывает значение Верховной власти для нашей страны, ибо самодержавие в нем «находит блистательное опытное подтверждение своей истине» [11, с. 37]. Следовательно, навязываемые извне формы правления не приемлемы, и необходимо для процветания Отечества «держаться традиционного для нас устройства власти».

Главное же внимание мыслитель уделяет изучению родного языка и русской словесности, поскольку именно эти предметы он преподавал в гимназии. Язык, с его точки зрения, выступает не просто как учебный предмет, он вместе с тем «есть образ народа или, лучше сказать, сам народ, выразивший себя в своем слове» [11, с. 33]. Поэтому следует изучать язык «от начала нашей письменности до последнего времени», то есть начиная с «церковнославянского языка». Поскольку он является языком богослужебным, его понимание важно для сознательного отношения к православию. Молодые люди часто утверждают, что церковно-славянский язык бывает «местами затруднительным», а иногда и «вовсе непонятным». Подобная позиция во многом объясняется поверхностным отношением к этому предмету, и она не разделяется людьми, «научно знающими этот язык».

Церковно-славянский язык помогает осознать историческое единство «славянского племени» и тем самым понять своеобразие его истории. Он также подчеркивает «всемирно-историческое значение» коренного нашего языка «в ряду языков индоевропейской семьи». Наконец, церковно-славянский язык помогал охранять русский язык «от вторжения иноплеменных выражений». В силу этого его влияние «отразилось очень заметно, например: на Державине, Карамзине, Жуковском и особенно на Пушкине» [11, с. 32].

Изучение современного русского языка не только делает человека грамотным, но и формирует «в юношестве уважение ко всему, что носит на себе печать нашей народности». Поэтому правительство должно заботиться об «усилении преподавания отечественного языка». Обширные преобразования, начавшиеся в России в XVIII веке, породили «печальные следствия», а именно «могущественное влияние, которое имеет на наше общество язык французский». Т.И. Филиппов солидарен с А.С. Шишковым, что «пристрастие к этому языку находится в прямом противоречии с патриотическим воспитанием». Вместе с французской речью часто усваивается чуждая культура, при этом отвергаются свойственные отечественной традиции ценности, и в результате переносится «наше сочувствие от своего к

чужому» [11, с. 33]. Сам мыслитель знал несколько иностранных языков, но он всегда подчеркивал, что они являются лишь средством для лучшего «понимания своеобразия своей народности».

Важную роль, как уже отмечалось, в воспитательном процессе играет и изучение русской словесности. В ней выразилась многообразная «духовная жизнь нашего народа», следовательно, воспринимая эти творческие плоды, воспитанник проникается «могуществом их влияния». История отечественной литературы рассматривает «коренные начала русской жизни», а значит, подчеркивает их самобытный характер. В силу этого начинается «обогащение мышления», которое происходит не столько от знакомства с предметом изучения, сколько от умения «всякой вещи указать ее место, существом ее определяемое». Овладение учащимися этой методологией даст им возможность в произведениях русских писателей «отличать существенные явления от несущественных», а это в свою очередь позволит уберечь их «от насилия беглых современных мнений». Существенным же в произведениях лучших русских писателей является стремление убедить своих читателей в необходимости «приносить все свои дарования в жертву Отечеству», а также вселить в них «глубокое и сознательное уважение к нашей народности» [11, с. 37].

Однако достижение этих целей – процесс достаточно сложный, так как преподавание «теории словесности, изучение ее жанров придавали какую-то мертвенность нашему предмету». Современная методика преподавания литературы, указывает Филиппов, советует сокращать собственно теоретические вопросы и «обогащать воспитанников преимущественно чтением и личным знакомством с образцовыми произведениями словесности» [11, с. 34]. Подобные установки, по мнению Т.И. Филиппова, могут быть реализованы с «учетом ряда замечаний». Он утверждает: «в наше время не трудно встретить молодого человека с большой начитанностью». Но является ли это критерием образованности и воспитанности? Часто «чтение всего без разбора» приводит к смешению понятий, и в результате ни красоту произведения, ни его смысл понять не удастся. Поэтому необходимо участие опытного наставника, умеющего соединить теорию словесности с ее «жизненным содержанием». И тогда станет ясно, что эта наука является «в сущности и живой, и привлекательной».

Итак, синтезируя цели воспитания человека и гражданина, можно, как считает Филиппов, выделить в них три главные начала, а именно православие, самодержавие и народность. Следовательно, он солидаризируется с установками С.С. Уварова, объявляя их основами русского воспитания. Однако недостаточно того, что значение этих начал было «осознано нашим правительством», их надо не формально, а реально сделать руководящими установками для педагогов. В то же время правительству, борясь с заблуждениями, необходимо помнить, что запретительные меры часто оказываются не эффективными. Так, в 40 – 50-е годы, в эпоху Николая I, предпринимались активные действия по пресечению «противуправительственных стремлений», поэтому затрудняли «сколь возможно для юношества доступ в университеты», пересматривали гимназические программы, ориентированные на «серьезное умственное воспитание», наконец, был усилен и так «невыносимо строгий надзор за литературой и всяческим общественным проявлением живой человеческой мысли» [6, с. 390]. В результате лояльность общества к властям не увеличилась, но были порождены или «умственная апатия», или, что еще более страшно, «злобные и беспорядочные настроения», становящиеся питательной средой оппозиционности. Следовательно, вместо укрепления государственного строя происходит

его ослабление, которое «бывает прямым последствием ничем не заслуженного и никакой необходимостью не оправдываемого гнета» [6, с. 391].

Русское воспитание только тогда станет эффективным, когда будет создана для реализации его целей продуманная система. Педагог, «желающий оправдать доверие своего правительства», должен уметь убедить воспитанника в том, что главные начала российской самобытной жизни – православие, самодержавие и народность – являются реальными условиями процветания как общества, так и отдельной личности. Только в этом случае удастся «оживить смысл их в сознании учащегося юношества и тем предохранить его от проникающих всюду современных заблуждений» [11, с. 37].

Итак, взгляды Т.И. Филиппова на образование и воспитание весьма противоречивы: с одной стороны, он предлагает в просвещении народных масс держаться «самых скромных размеров обучения», с другой – он признает необходимость поддержать у народа «устремленность к учению», возникшую после отмены крепостного права. Выступая с программой русского воспитания, он предлагает консервативный путь его развития, базирующийся на известной триаде «православие, самодержавие и народность». Но в то же время мыслитель отвергает насильственные методы насаждения государственной идеологии в учебных заведениях.

Вслед за славянофилами большое значение в сохранении отечественных самобытных начал Т.И. Филиппов отводит культуре. Народная культура «есть самое искреннее и неподдельное выражение внутренней жизни народа, сделанное им самим» [9, с. 100]. Отсюда понятно, что она выступает необходимым условием сохранения традиционного образа жизни, или коренных начал народного быта.

Культура, по мысли Филиппова, «уравновешивает внутреннюю жизнь человека» путем ограничения «всякого крайнего развития одной какой-либо душевной силы». Однако, утверждает мыслитель, в последнее время происходит разрушение «цельности бытия» индивида. Данный процесс широкое распространение получил на Западе, и в результате там начинает утверждаться стремление «ниспровергнуть весь прежний порядок», в том числе и традиционные культурные ценности. У современной европейской молодежи «началом жизни становится наслаждение». Ясно, что подобная ориентация «не может воспитать ничего твердого, сильного, здорового, трезвого», но, напротив, она «порождает вялость, лень, болезненность, тревогу ума» [9, с. 96]. В этих условиях не остается сил на подлинное творчество, и высокое искусство все более превращается в массовую примитивную культуру.

Эти негативные тенденции проникли и в Россию, так как традиционная культура все более попадает под влияние «пришлой мерзости и пошлости». Происходящие «коренные и значительные изменения» в фольклоре, народной песне, народном танце обусловлены «усиливающимся влиянием городов на деревню» и тем, что значительно сократилось «прежнее расстояние между преобразованными слоями народа и собственно народом» [13, с. 312]. Этот «преобразованный» народ стал во многом подвержен влиянию западной культуры и транслирует ее на крестьянство, подрывая «духовные основы его внутренней жизни». Поэтому все труднее найти в России «незамутненную область народного творчества».

Сложные процессы происходят и в профессиональной культуре. Так, в литературе по отношению к народной жизни утвердились два основных подхода: первый – субъективный, при котором писатель «подсматривает особенности народного быта», но они ему для его внутренней жизни не нужны. Отсюда поверхностность в понимании проблем и «бледность рисунка и скудость натуры». Второй подход – натуралистический, в котором писатель

«боятся спросить о чем-либо жизнь» и все его усилия сводятся к тому, как бы «вернее с нее сделать снимок». В результате нет художественного анализа, а произведение ограничивается тем, что «доступно самому внешнему наблюдению» [9, с. 85]. Литератору же не только следует уметь «видеть натуру», но ему необходимо «вырабатывать свое отношение к ней». Этот «самостоятельный взгляд» должен опираться на «доказанную любовь к своему народу», преодолевающую «предубежденное отрицание» существенных его свойств. Только при таком подходе писатель найдет ответ «на многие важнейшие вопросы, предстоящие мышлению современного человека» [9, с. 84]. К сожалению, в России долгое время господствовало «либерально-западническое» направление в литературе, «развращающее народ» своим влиянием. Только в последнее время начинается торжество здравого смысла и появляется литература, стремящаяся «укрепить в народе те основные начала его духовной жизни, в сохранении и правильном развитии коих заключается единственное условие будущего преуспевания нашего Отечества и даже его целостности» [10, с. 379].

Позитивные изменения происходят и в отечественной музыке: она освобождается от подражания западным стандартам, и композиторы все чаще придерживаются в своем творчестве «самобытного направления». Успехи этого последнего берут свое начало от М.И. Глинки, а в современных условиях это «знамя высоко держат живущие среди нас его преемники». Т.И. Филиппов относит к ним М.А. Балакирева, Н.А. Римского-Корсакова и М.П. Мусоргского. С Римским-Корсаковым мыслитель сблизился в период издания сорока народных песен, которые Филипповым были собраны. Он долго искал композитора, который мог бы «перевести на ноты мотивы русских песен», причем «сообразно с их истинною природой». Римский-Корсаков этой работе посвятил много «добросовестных умений», и в результате народные напевы были изданы «в виде, вполне достойном их художественного значения» [13, с. 314].

Наконец, еще одна тема, которая была в центре внимания Т.И. Филиппова, – это Россия и славянство. В средние века, с его точки зрения, славянские племена обладали единоверием и общностью культуры. Однако «насилие римского духовенства» и «различные исторические обстоятельства» привели славянские племена к «выработке своих отдельных народностей». В результате славяне начинают жить «в взаимном отчуждении, позабыв свое племенное и религиозное единство» [11, с. 30]. Однако в XIX веке становится очевидно, что славяне могут окончательно потерять свою самобытность и раствориться в европейской культуре. В этой связи среди них начинается «великое умственное движение», приведшее «к ясному разумению их истории» и к «осознанию исконного родства и бывшего некогда единоверия» племен славянских. Это движение находит также поддержку в России, которая «с ревностью хранит священный завет духовного союза Русской земли со всеми славянскими странами» [14, с. 141], особенно с теми, кто сохранил верность православной вере. Конечно, в этих тезисах Филиппова присутствует определенная доля идеализации российско-славянских отношений. Например, К.Н. Леонтьев в письме к Т.И. Филиппову ярко и убедительно доказывает, что не видит для России «хоть какой-нибудь прок в этих югославянах» [17, с. 397] (речь прежде всего идет о болгарях). Позиция Филиппова по отношению к славянам обуславливается не только его религиозными и культурными установками, но и политическими соображениями. Ему важно показать, что после 1881 г., то есть с начала правления Александра III, происходят позитивные изменения в политике, которую «ведет и направляет наш Всемилоштивейший государь», причем это проявляется как во «внутреннем управлении родною землею», так «и во внешних сношениях с иными странами и народами» [17, с. 388].

Обсуждение и заключения

Деятельность Т.И. Филиппова и его личные качества оценивались его современниками по-разному, поскольку он был сложной и противоречивой личностью. Начнем с позитивной оценки его вклада в отечественную культуру. Он, как мы уже отмечали, принимал активное участие в славянофильских изданиях, защищая своеобразие отечественных традиций. В этой связи мыслитель оказывал поддержку ряду писателей, разделявших в какой-то мере его взгляды: среди них были А.Н. Островский, Н.С. Лесков, А.Ф. Писемский, К.Н. Леонтьев и др. Не случайно последний посвятил свою программную работу «Восток, Россия и славянство» Филиппову: «в знак невыразимой признательности за неизменную поддержку в долгие дни моего умственного одиночества» [1, с. 323]. А известный литературный критик Н.Н. Страхов подчеркивал, что Филиппов – «великий любитель литературы и постоянно благотворит писателям» [4, с. 109].

Тертий Иванович внес свой вклад и в развитие отечественной музыкальной культуры (мы уже отмечали его интерес к народной песне). Даже в современном музыкальном энциклопедическом словаре подчеркиваются его заслуги в собирании и исполнении русских песен [2, с. 375]. Он был также организатором и председателем песенной комиссии при Императорском русском географическом обществе, которая много сделала для популяризации этого жанра. Мыслитель активно помогал известным российским композиторам, находясь с ними в дружеских отношениях, – это были М.А. Балакирев, Н.А. Римский-Корсаков, М.П. Мусоргский. При поддержке Филиппова был создан Великорусский народный оркестр под руководством В.В. Андреева.

В то же время люди, знавшие Т.И. Филиппова, отмечали в нем такие качества, как безапелляционность, чванливость, высокое самомнение. Например, он утверждал, что едва ли может «уступить кому бы то ни было (древним ли славянофилам, Достоевскому ли) в любви и уважении к русскому народу» [17, с. 419]. Заметим, что ставить себя в один уровень с классиками славянофильства, а тем более с Достоевским по меньшей мере не скромно.

Множество оценок личности мыслителя принадлежит В.В. Розанову, который отмечает, что только с его помощью вырвался из Бельской прогимназии, расположенной в городе, который «состоял из одной кривой улицы». Розанов отдает должное работоспособности государственного контролера, который каждую среду «по делам службы» принимал сто человек, а ежедневно по многу часов слушал доклады своих чиновников «по делам также службы». В этой связи Василий Васильевич заявлял, что Филиппов был человеком, о котором «я не имел причины что-нибудь дурно думать» [4, с. 335]. И все-таки у Розанова достаточно много негативных оценок государственного контролера, который, пригласив его в Санкт-Петербург, установил зарплату сто рублей в месяц, тем самым обрекая вместе с семьей на нужду, так как только за квартиру необходимо было платить ежемесячно 37 рублей. Уже при первой встрече с Филипповым между ним и Розановым возникли настроения «антипатичные с обеих сторон», и Василий Васильевич подчеркивал, что на «приеме у Филиппова умирал». Отсюда и характеристика главного контролера: для Розанова он «чванливо-ненавидяще-надутый» [5, с. 165].

Итак, Тертий Иванович был сложным человеком, но все-таки следует признать его позитивный вклад в историю отечественной мысли. Борьба «с казенщиной в православии», обоснование необходимости самобытного пути развития для России, стремление сохранить народную культуру и придать ей мировой статус и сейчас являются актуальными задачами.

Необходимо также отметить важность обоснования им воспитательного значения гуманитарных дисциплин, без которых невозможно сформировать чувство патриотизма. Эта установка мыслителя весьма востребована современной системой образования. Наследие Т.И. Филиппова заслуживает пристального внимания и глубокого изучения, причем на основе не только опубликованных материалов, но и архивных источников. Важно дать объективную оценку его творчеству, без предвзятости и существующих штампов.

Список использованных источников

1. Леонтьев К. Восток, Россия и славянство: сборник статей. Т. 1. М.: Типо-Литография Н.Е. Кушнерева и К°. 1885. 323 с.
2. Музыка: Большой энциклопедический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. 671 с.
3. Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 2. М.: Республика, 1995. 541 с.
4. Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 13. М.: Республика, 2001. 477 с.
5. Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 30. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. 591 с.
6. Филиппов Т.И. В память А.Ф. Гильфердинга // Славянофильство: pro et contra. СПб.: Изд-во РХГА, 2006. С. 389-394.
7. Филиппов Т.И. Записка о народных училищах // Русское воспитание. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 39-80.
8. Филиппов Т.И. Несколько слов о несторианах // Русское воспитание. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 115-139.
9. Филиппов Т.И. Не так живи, как хочется // Русское воспитание. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 81-114.
10. Филиппов Т.И. О деятельности и литературных заслугах Н.Ф.Щербина // Русское воспитание. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 374-381.
11. Филиппов Т.И. О началах русского воспитания // Русское воспитание. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 25-38.
12. Филиппов Т.И. Памяти И.Ф. Горбунова // Русское воспитание. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 382-386.
13. Филиппов Т.И. Предисловие собирателя песен // Русское воспитание. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 311-319.
14. Филиппов Т.И. Приветственное слово Сербскому митрополиту Михаилу, произнесенное в заседании Славянского комитета 26 октября 1869 года // Русское воспитание. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 140-144.
15. Филиппов Т.И. Речь, произнесенная в заседании Православного палестинского Общества 2 декабря 1882 года вице-председателем Общества Т.И. Филипповым // Русское воспитание. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 320-339.
16. Филиппов Т.И. Решение греко-болгарского вопроса // Русское воспитание. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 149-200.
17. Филиппов Т.И. Русское воспитание. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 448 с.

References

1. Leont'ev K. East, Russia and Slavs: a collection of articles. Vol. 1. Moscow, Tipo-Litografiya N.E. Kushnereva i Ko Publ., 1885. 323 p. (In Russ.)

History of philosophy

2. Music: Big Encyclopedic Dictionary. Moscow, Bol'shaya rossijskaya enciklopediya Publ., 1998. 671 p. (In Russ.)
3. Rozanov V.V. Collected works: in 30 volumes. Vol. 2. Moscow, Respublika Publ., 1995. 541 p. (In Russ.)
4. Rozanov V.V. Collected works: in 30 volumes. Vol. 13. Moscow, Respublika Publ., 2001. 477 p. (In Russ.)
5. Rozanov V.V. Collected works: in 30 volumes. Vol. 30. Moscow, Respublika Publ.; St. Petersburg, Rostok Publ., 2010. 591 p. (In Russ.)
6. Filippov T.I. In memory of A.F. Hilferding. *Slavyanofil'stvo: pro et contra*. St. Petersburg, RHGA Publ., 2006. Pp. 389-394. (In Russ.)
7. Filippov T.I. Note on public schools. *Russkoe vospitanie*. Moscow, Institut russkoj civilizacii Publ., 2008. Pp. 39-80. (In Russ.)
8. Filippov T.I. A few words about the Nestorians. *Russkoe vospitanie*. Moscow, Institut russkoj civilizacii Publ., 2008. Pp. 115-139. (In Russ.)
9. Filippov T.I. Do not live the way you want. *Russkoe vospitanie*. Moscow, Institut russkoj civilizacii Publ., 2008. Pp. 81-114. (In Russ.)
10. Filippov T.I. On the activities and literary merits of N.F. Shcherbin. *Russkoe vospitanie*. Moscow, Institut russkoj civilizacii Publ., 2008. Pp. 374-381. (In Russ.)
11. Filippov T.I. the principles of Russian education. *Russkoe vospitanie*. Moscow, Institut russkoj civilizacii Publ., 2008. Pp. 25-38. (In Russ.)
12. Filippov T.I. In memory of I.F. Gorbunova. *Russkoe vospitanie*. Moscow, Institut russkoj civilizacii Publ., 2008. Pp. 382-386. (In Russ.)
13. Filippov T.I. Preface by the song collector. *Russkoe vospitanie*. Moscow, Institut russkoj civilizacii Publ., 2008. Pp. 311-319. (In Russ.)
14. Filippov T.I. Greetings to the Serbian Metropolitan Michael, delivered at the meeting of the Slavic Committee on October 26, 1869. *Russkoe vospitanie*. Moscow, Institut russkoj civilizacii Publ., 2008. Pp. 140-144. (In Russ.)
15. Filippov T.I. A speech delivered at a meeting of the Orthodox Palestine Society on December 2, 1882 by the vice-chairman of the Society, T.I. Filippov. *Russkoe vospitanie*. Moscow, Institut russkoj civilizacii Publ., 2008. Pp. 320-339. (In Russ.)
16. Filippov T.I. The solution of the Greek-Bulgarian question. *Russkoe vospitanie*. Moscow, Institut russkoj civilizacii Publ., 2008. Pp. 149-200. (In Russ.)
17. Filippov T.I. Russian education. Moscow, Institut russkoj civilizacii Publ., 2008. 448 p. (In Russ.)

© Шапошников Л.Е., 2021

Информация об авторах

Шапошников Лев Евгеньевич – президент ФГБОУ ВО «НГПУ им. К. Минина», доктор философских наук, профессор, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID iD: 0000-0001-6725-6973, researcher ID: V-5340-2018; e-mail: shaposhnikov_le@mininuniver.ru.

Information about the authors

Shaposhnikov Lev E. – President, the doctor of Philology, Professor, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), Russian Federation, ORCID iD: 0000-0001-6725-6973, researcher ID: V-5340-2018; e-mail: shaposhnikov_le@mininuniver.ru.

Поступила в редакцию: 01.12.2020

Принята к публикации: 16.01.2021

Опубликована: 11.03.2021